

СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛЪ СОБЫТІЙ ВЪ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

(Мистика и Психологія).

Слава Пресвятой Богородицѣ.

«Низложилъ сильныхъ съ престоловъ и вознесъ смиренныхъ».

Лк. 1-52.

Чтобы понять, что переживала и переживаетъ во времена господства сатанинской власти въ Россіи Православная Церковь, а также и тѣ событія за границей, которыя извѣстны подъ именемъ «церковной смуты», — необходимо изобразить состояніе русской церкви въ то время, когда христіанская религія называлась господствующей въ государствѣ. Ибо власть сатаны надъ Россіей есть результатъ ея поведенія въ тѣ будто бы счастливыя времена.

«Предадимъ его сатанѣ, дабы научился не богохульствовать.» Напрасно было бы пугаться столь, казалось бы, дерзкаго съ нашей стороны опредѣленія происходящаго. Достаточно вспомнить грозный и предупреждающій голосъ Господа въ Апокалипсисѣ Ангеламъ Церкви, чтобы понять, какъ тяжело бываетъ тѣмъ, кто научился ѣсть идоложертвенное и не поступать по любви.

Что можетъ быть болѣе сомнительнаго, и болѣе опаснаго, и болѣе отвѣтственнаго, чѣмъ тѣсная связь Церкви Христовой и государства! Какъ сочетать желѣзную необходимость, которая царитъ въ государствѣ, съ кроткой любовью, требуемой отъ пастырей, пасущихъ Христово стадо. «Не владѣйте надъ Божіимъ наслѣдіемъ, а подавайте примѣръ.» Только святые могли бы управлять истиннымъ христіанскимъ государствомъ. Но, если во главѣ его стоятъ люди не только не святые, но часто безсердечные*), то тяжело и нестерпимо становится положеніе Церкви Христовой

*) Въ послѣднія десятилѣтія цѣлый рядъ событій-символовъ указывалъ на отсутствіе любви со стороны властвующихъ и на ихъ безсердечіе къ народу, какъ бы взывалъ къ совѣсти царской, напр. «Ходынка», разстрѣлъ рабочихъ въ СПБ 9 января 1905 г.

и ея представителей въ странѣ, гдѣ религія любви только на словахъ зовется господствующей. Вѣдь слово въ Божіемъ мірѣ не произносится напрасно. И если каждый изъ насъ за каждое слово дастъ отвѣтъ Богу, то, конечно, и государство за неисполненіе (хуже, за полное извращеніе) слова, копитъ гнѣвъ Божій на день гнѣва. И, если Церковь не сумѣетъ сохранить Христово достоинство въ такомъ государствѣ, то наступитъ и для нея время тяжелой расплаты.

Въ чемъ должно заключаться достоинство Христовой Церкви въ государствѣ, лживо именуемомъ себя христіанскимъ? Пассивно въ томъ, что церковь, — т. е. народъ истинно вѣрный Христу, — должна быть какъ бы живымъ нравственнымъ образцомъ для всѣхъ невѣрныхъ и плохо вѣрныхъ. Активно у пастырей церкви есть два орудія борьбы. Это — обличенія, во-первыхъ. И печалованія объ униженныхъ, обижаемыхъ и жестоко наказываемыхъ, во-вторыхъ. Пастыри церкви, если они, дѣйствительно, чувствуютъ всю ненормальность, больше того, унижительность называться господствующей христіанской церковью тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ, господствуютъ враги любви, должны непрестанно обличать злоупотребленія, какъ бы высоко не стояли обличаемые. Сначала тайно, потомъ съ амвона передъ народомъ Божіимъ. Обличенія должны быть настойчивы и безстрашны. Если данный обличитель съ амвона будетъ отправленъ въ тюрьму, то слѣдующій пастырь, ставшій на его мѣсто, долженъ повторить то же самое, и слѣдующій и т. д. Такимъ образомъ, церковь должна была бы обратиться изъ господствующей въ гонимую, т. е. фактически сдѣлаться тѣмъ, что она есть по духу въ неправедномъ государствѣ.

Второе активное дѣйствіе пастырей церкви — непрестанное печалованіе о младшихъ братьяхъ Христа, о тѣхъ, которые на низахъ жизни обременены непосильнымъ трудомъ, муками нищеты и обездоленности. Чтобы ихъ неслышный никому стонъ черезъ пастырскія уста становился слышнымъ во всѣхъ углахъ государства и отъ звуковъ его не могли бы найти себѣ покоя всѣ нечестивцы.

Только, какъ святое исключеніе, проводилась въ жизнь эта пастырская обязанность. Вотъ что писалъ въ своихъ посланіяхъ по епархіи святой Епископъ Іоасафъ Бѣлогородскій: «многіе священники, невѣжды и лукавые, оставивъ алтарь святой, носятъ мірскимъ лицамъ въ притворѣ Божественныя Евангеліе и Крестъ святой цѣловать, тогда какъ явленіе Евангелія и Креста знаменуютъ Самого Спасителя нашего явленіе къ людямъ и всѣ должны благоговѣнно сами подходить со страхомъ и смиреніемъ. Это Божіей славы уничиженіе. За это дашь отвѣтъ на Страшномъ Судѣ Божіемъ». Къ несчастію, такое высокое чувство служенія Богу было почти не свойственно русскому духовенству. Здѣшній судъ, здѣшніе чины казались страшнѣе и значительнѣе суда будущаго вѣка... Или вотъ, другой святой Епископъ — Тихонъ Задонскій пишетъ: «кто грѣшитъ — обличай, это есть званіе священническое! Кто бы ни былъ — все равно! Почтенные, знатные! не бойся! Берегись молчать! Да не уподобишься псу нѣмому, который не лаетъ, хотя воры напали на домъ. Обличай!» Одинъ священникъ его епархіи, судимый за человѣкоугодливость, извинялъ себя, что онъ сдѣлалъ это для помощника губернатора, — Святитель усилилъ наказаніе. Но не похоже ли это на сказку! Развѣ такъ бывало обыкновенно. Между правителями государства и русскимъ духовенствомъ во что бы то ни стало долженъ царить миръ! «Духовенство наши помощники, они не должны намъ мѣшать!» — вотъ что говорили христіанскіе правители. Они третировали духовенство. Презрительная кличка — попы! — беззастѣнчиво пускалась въ ходъ всякій разъ, когда священнослужители не спѣшили угождать свѣтскому начальству.

Конечно, не подъ силу было большинству священниковъ бороться съ властителями міра сего; поэтому на Руси среднехорошіе іереи были немощны. Немощь это своего рода спасеніе, какъ бы уходъ отъ зла подъ кровъ смиреннѣйшей. Выработался даже особый типъ русскаго сми-

реннаго іерея безъ всякихъ видимыхъ положительныхъ способностей (защитный цвѣтъ!), безгласныхъ, только добрыхъ и молитвенниковъ.

Но не этимъ смиреннѣйшимъ и не тѣмъ святымъ принадлежало видное мѣсто въ государствѣ, не они давали тонъ Христовой церкви, будто бы торжествующей въ Россіи. Переходящее въ привычку вкушеніе идоложертвеннаго — вотъ откуда начинается несчастье официальной церкви и ея отпаденіе отъ Христа.

Въ какомъ видѣ вкушалось идоложертвенное? Лживые друзья церкви Христовой, объявляющіе ее господствующей въ государствѣ, конечно, въ совѣсти своей чувствуютъ, какая страшная угроза заключается для нихъ въ пастыряхъ, если тѣ заговорятъ съ ними Духомъ устъ Божіихъ. Поэтому они спѣшатъ подѣлиться съ представителями церкви своимъ богатствомъ, пышностью, облечь церковь во всю торжественность своихъ прерогативъ. Устанавливается нѣкая пріятная связь.

Совсѣмъ невозможно вступить въ пріятную связь со св. Іоанномъ Златоустомъ, но его можно гнать всю жизнь и замучить. Невозможно вступить въ пріятную связь съ св. Гермогеномъ, но его можно уморить голодомъ. Невозможно вступить въ пріятную связь съ св. Митрополитомъ Филиппомъ, но его можно сослать въ отдаленный монастырь, содрать съ него архіерейское облаченіе. И, если онъ въ ссылкѣ продолжитъ молиться о водвореніи правды и мѣшаетъ жить своими молитвами, можно послать Малюту и прервать молитвы въ его земной жизни.

Впрочемъ, конечно, и роскошь и почетъ возможно принимать, какъ нѣчто постороннее, присущее сану, не растворяя ихъ сладости въ сердцѣ. Плохо, когда почетъ становится необходимостью. Въ идоложертвенномъ есть ядъ, постепенно проникающій въ сердце и измѣняющій христіанское сознаніе. Нѣкоторыя, сначала кажущіяся мелкими, черты архіерейскаго быта на Руси глубже раскроютъ передъ нами картину нечестія официальной церкви. Вспомнимъ, на примѣръ, что архіерейскій ритуаль считалъ неприличнымъ епископу ходить пѣшкомъ по городу. Архіерей, кромѣ соборной службы, «являлся» среди народа только въ закрытой каретѣ. Если мы сопоставимъ съ этимъ явленіе Христа среди народа — мы почувствуемъ ужасную разницу между Главой Церкви и тѣми, кто оставленъ на землѣ, чтобы быть Его образомъ. У cadaго изъ насъ съ дѣтства

остались впечатлѣнія отъ архіереевъ, какъ отъ чего то страшноватаго. Величіе, которое окружало ихъ въ соборахъ, раболѣпный страхъ, который они внушали мелкимъ священнослужителямъ, таинственность ихъ закрытыхъ каретъ — все это ложилось на душу ребенка тѣмъ чувствомъ, которое лучше всего охарактеризовать, какъ полная противоположность любви. Такое впечатлѣніе производили они, несомнѣнно, и на простой народъ. Для сильныхъ міра сего архіерей былъ почетный и въ то же время свой человѣкъ, но даже и здѣсь его окружало «присущее сану» холодное сіяніе. Этикетъ архіерея — обратный простотѣ. Между нимъ и людьми искусственно создавалась пустота пропасти. Конечно, это должно было угнетать и ихъ самихъ. Но большинство не боролось, а отдавалось теченію.

Сравнительно съ обычнымъ обликомъ русскаго архіерея вотъ что говорится въ Библии, въ книгѣ «Эсфирь»: «Артаксерксъ сидѣлъ на престолѣ, облаченный во все величіе своего одѣянія, въ золотѣ и самоцвѣтныхъ камняхъ, лицо его пламенѣло славою, и былъ весьма страшень».

Теперь предложимъ вопросъ: къ кому былъ ближе своимъ церемоніаломъ русскій архіерей: къ Христу среди народа или къ Артаксерксу, сидящему на престолѣ? И еще вопросъ, какая разница въ церкви Христовой между іереемъ и епископомъ? Только въ степени любви къ народу. Благодарить епископа разнится отъ благодати священника только большей силой любви.

Архіерей это малое солнце любви, отъ его лучей должно радоваться сердце каждаго нищаго странника (какъ отъ образа Христа на землѣ). Но какъ могли радоваться въ Россіи нищіе странники, если ихъ не пускали въ соборы и даже гнали отъ соборной паперти.*)

Небесная іерархія! Чѣмъ выше чинъ, тѣмъ сильнѣе льется любовь. Какое счастье маленькому человѣку жить подъ властью такой іерархіи! А въ іерархіи артаксерксовъ: чѣмъ выше сановникъ, тѣмъ страшнѣе и холоднѣе бѣдняку. Пустота, холодъ и страхъ — вы, конечно знаете, какому духу свойственны эти прерогативы.

Почему многіе теперь боятся и ненавидятъ христіанскую монархію? Должно быть, не потому, что познана ими на опытѣ, какъ небесная іерархія.

*) Теперь въ СССР, гдѣ Церковь Христова гонима, народъ безъ разбора допускается во всѣ храмы.

Но какъ чувствовалъ себя Христосъ — Глава Церкви — въ государствѣ, гдѣ Его религія была господствующей и гдѣ человѣка въ рубищѣ гнали отъ соборной паперти? Но человѣкъ въ рубищѣ — это вѣдь и былъ Самъ Христосъ.

Холодъ земной іерархической власти постепенно заползалъ въ сердце русскаго епископа и становился наслѣдственнымъ. Вмѣстѣ съ архіепископской мантией епископъ облачался въ холодъ государственной оффиціальности и дѣлался слабо доступнымъ любви. — «Вы забыли, Владыко, Христа!» — воскликнулъ однажды докторъ Гаазъ, среди замершаго въ страхѣ собранія, митрополиту Филарету, остановившему его въ качествахъ предсѣдателя за то, что не въ мѣру хлопоталъ о смягченіи тюремнаго режима. «Страхъ» собранія оказался напраснымъ, митрополитъ не разсердился и даже сознался, что въ этотъ моментъ Христосъ его позабылъ.

Были святые епископы, но они снимали архіерейское платье и надѣвали нищенское, служба ближнимъ. Прочитайте въ житіи Св. Тихона Задонскаго, какъ онъ посѣщалъ заключенныхъ въ темницѣ, или житіе Св. Іоасафа Бѣлогородскаго, какъ онъ по ночамъ, переодевшись въ платье своего слуги, ходилъ на окраины города помогать бѣднякамъ.

Вмѣсто того, чтобы показывать примѣръ кроткаго обращенія — «съ кротостью наставляй противниковъ, не дасть ли имъ Господь покаянія къ познанію истины» — оффиціальная церковь начинаетъ заимствовать у злого государства средства и методы его борьбы съ врагами. Не говоримъ о кострахъ инквизиціи (хотя вѣдь и у насъ въ Россіи кой-кого сожгли), нѣтъ, но крутыя мѣры противъ сектантовъ, запрещенія, ссылки, тюрьмы, монастырскіе камешные мѣшки — все это слѣдуетъ называть благопріобрѣтеннымъ вкусомъ государственной необходимости и утратой вкуса любви Христовой.

Отрава идоложертвеннымъ становится совершенно губельной для видимой Церкви Христовой, когда представители ея сами становятся на защиту злыхъ установлений неправеднаго государства. Возьмемъ примѣры. Во время крѣпостнаго права можно было отслужить молебенъ о возвращеніи къ господину бѣлаго раба. Однако вотъ что читаемъ въ Библии: «Не выдавай раба господину его, когда онъ прибѣжитъ къ тебѣ отъ господина своего. Пусть онъ живетъ у тебя на мѣстѣ, гдѣ ему понравится среди жилищъ твоихъ. Не притѣсняй

его» (Второзк. XXIII: 15-16). Вы чувствуете, какой нѣжный, любовный тонъ, какъ печалуется Господь объ участи бѣглаго раба. Поистинѣ по этимъ строчкамъ можно судить, кто ближе Богу, рабъ или господинъ. Такъ говорится еще въ Библии, а Христосъ вѣдь пришелъ «не нарушить, а исполнить законъ». Черносотенствомъ въ Россіи именовалось общество (къ нему примыкали многіе видные священнослужители) не только защищавшее, но и проповѣдывавшее, какъ нѣчто божественное, дѣйствіе злой власти. Страшный ядъ черносотенства и до сихъ поръ еще не изжитъ русскимъ духовенствомъ. Совсѣмъ недавно автору этой статьи молодой монахъ, ссылаясь на катехизисъ, старался доказать необходимость смертной казни. Какое несчастье для церкви Христовой, когда монахи (ангелы — лучи Христовой любви) съ ожесточеніемъ защищаютъ смертную казнь.

Возьмемъ еще болѣе удручающій примѣръ. Очень высокъ по жизни и по своимъ сочиненіямъ Еп. Теофанъ Затворникъ. Передъ нимъ нельзя не благоговѣть. Его письма-поученія исполнены святой мудрости. Тѣмъ болѣе читать нѣкоторыя строки его писемъ, гдѣ попадаетъ слово «вѣшать» и другія выраженія, свойственные дурнымъ властителямъ. На немъ также духовно отразилось подопечное состояніе церкви. Въ дѣлахъ вѣры еп. Теофанъ рекомендуетъ своимъ корреспондентамъ прибѣгать къ помощи свѣтскаго начальства (т. е. къ насилію въ дѣлахъ вѣры). Вотъ въ какомъ трудномъ-нравственномъ состояніи находилась у насъ церковь къ концу 19 вѣка — даже почти святые были отравлены тлетворностью неправеднаго государства.

Теперь необходимо понять, гдѣ же при столь опасномъ положеніи видимой церкви, находится та истинная Христова Церковь, которую врата адовы не одолѣютъ? Она уходитъ подъ спудъ, дѣлается незамѣтной, перестаетъ свѣтить. Тяжкимъ, безмѣрно тяжкимъ становится крестъ Христовъ въ Церкви, которая отдала себя во власть злого государства. Гдѣ же носители этого креста? Только случайная встрѣча можетъ открыть передъ нами ихъ трудъ.

Прошлое лѣто мнѣ пришлось мѣсяцъ проработать на лѣсопильномъ заводѣ. Десяти часовой рабочей день высасывалъ изъ насъ всѣ физическія и духовныя силы. Къ окончанію работы человѣкъ былъ какъ бы весь выжатъ. По инерціи можно было добратся до своей комнаты и въ изнемо-

женіи сѣсть: никакой мысли, никакого душевнаго движенія не возникало въ организмѣ. Такая работа, длящаяся мѣсяцы и годы, родитъ или озлобленныхъ мечтателей всеобщаго разрушенія, или святыхъ. На заводѣ служилъ итальянецъ, надъ нимъ всѣ смѣялись — онъ былъ слишкомъ протокъ; на работѣ, гдѣ стояла среди многихъ русскихъ непрерывная брань (своего рода вдохновеніе), онъ улыбался улыбкой изнеможенія, но не терялъ своей ласковости; всѣ съ ненавистью говорили о хозяинѣ завода, онъ его славилъ. Немножко пьяный, онъ пѣлъ за обѣдомъ въ каютинѣ какія-то трогательныя пѣсни, и свѣтящаяся улыбка не сходила съ его лица. Но онъ шокировалъ наше общество мертвенно уставшихъ и угрюмыхъ отъ сверхмѣрнаго труда людей, и его гнали изъ столовой. Однажды, возвращаясь съ завода, я увидѣлъ его на дорожкѣ: онъ лежалъ вытянувшись на землѣ и не то пѣлъ, не то стоналъ — я вдругъ разслышалъ слова: Ave Maria. Пройдя мимо, я перекрестился и помянулъ его: внезапно сердце мое облилось слезами и все внутри какъ то растаяло отъ блаженной любви, и я понялъ, что прошелъ сейчасъ мимо распятаго Христа.

Кто, брошенный въ трюмъ жизни, находитъ силы не озлобляться, кто не забываетъ Бога, хотя вся память его какъ бы отшиблена и никакихъ духовныхъ силъ нѣтъ — то вотъ тутъ-то и есть Церковь, которую врата адовы никогда не одолѣютъ.

Вспомнимъ теперь, что святое терпѣніе есть главное качество русской православной Церкви. Русскій человѣкъ умѣлъ не только терпѣть всѣ безчинства и прихоти верховодовъ жизни, но и молиться за нихъ. Почти невозможно было разыскать въ народѣ этихъ настоящихъ православныхъ людей, затерянныхъ среди множества будущихъ большевиковъ. Это поистинѣ была Церковь подъ спудомъ, возглавляемая также невидимыми, добрыми смиренными иереями.

Вотъ небольшая психологическая картинка, изображающая трудъ русскаго праведника. Мы ѣхали на перекладныхъ, — рассказывалъ мнѣ знакомый, — съ однимъ дальнимъ своимъ родственникомъ. Приѣхали въ село. У одной хаты стоялъ пожилой мужикъ, ямщикъ. Мой спутникъ, не знаю почему, — не понравилось ли ему лицо, этого человѣка или онъ былъ озлобленъ долгой тряской въ телѣжкѣ, — вдругъ съ неистовой бранью набросился на ямщика. Брань длилась такъ долго, что я былъ нравственно измученъ. Однако

ямщикъ рѣшительно ничѣмъ не выразилъ своего оскорбленія, напротивъ, непрерывно низко кланялся обидчику, сколько тотъ не выдумывалъ новыхъ и отвратительныхъ ругательствъ. Наконецъ родственникъ мой утихъ. Наединѣ я спросилъ у ямщика, отчего онъ не отвѣчалъ оскорбителю. — «Да, если бы я, баринъ, вздумалъ отвѣчать, то они бы еще сильнѣе пришли въ гнѣвъ, а я кланялся — имъ и стало легчать, и отошло». Конечно, въ этомъ разсказѣ отсутствуетъ одна деталь, главное: только человекъ постоянно творящій молитву въ состояніи такъ противостоятъ злобѣ.

Помню въ 23 году во время ночной службы въ храмѣ Засимовой пустыни (90 верстъ отъ Москвы) невдалекѣ отъ меня молилась молодая женщина изъ простыхъ. Я не столько видѣлъ, сколько удивленно и благоговѣйно ощущалъ ее. Казалось то не былъ человекъ, а живая, стройная, высокая свѣча, горящая прямо передъ престоломъ Божиимъ.

Таковы образы церкви Христовой подъ спудомъ. Но вѣдь это ненормально! «Вы свѣтъ міра» — сказано апостоламъ и въ лицѣ ихъ будущей церкви: — «Зажегши свѣчу не ставятъ ее подъ спудомъ, а на подсвѣчникѣ, чтобы свѣтила всѣмъ въ домѣ».

Наше время необычайное: — на нашихъ глазахъ Господь выводитъ свою церковь изъ-подъ спуда. И скоро она засвѣтитъ на весь міръ. Но чтобы и всѣмъ участвовать въ общей радости, необходимо было пережить смертельную скорбь.

Наступаютъ долгіе годы, когда русская земля должна родиться вновь, чтобы снова принять Божій образъ. Долгіе годы — страшные годы. «Предадимъ ихъ сатанѣ, дабы научились не богохульствовать». Сатанѣ разрѣшается владѣть Россіей. Но Господь — неужели Онъ совсѣмъ ушелъ изъ Россіи? Нѣтъ, Онъ остается, но только съ тѣми, кто согласенъ принять отъ Него крестъ — крестъ исправленія, мукъ, очистительнаго огня. Непомѣрныхъ страданій! До того запущены духовныя пути Россіи, что только адъ, придвинувшійся къ самому сердцу, въ состояніи разбудить его и заставить покаяться. — Вы помните эти пустыя весны въ Россіи? Такъ же какъ прежде распускались деревья и цвѣли цвѣты, но на сердцѣ у насъ была смерть. Вокругъ насъ не было воздуха — мы были заключены въ духовную тюрьму. И денно и пощно мучили насъ издѣвательствомъ надъ всѣмъ, къ чему мы привыкли въ жизни, какъ къ милому и единственному, казалось.

Только одинъ былъ способъ отказаться отъ креста—это поклониться сатанѣ, всей той лжи, которую онъ принесъ съ собой, предать все святое.

Вотъ самое характерное, что принесло съ собой время, именуемое засиліемъ большевиковъ: — нужно было или принимать крестъ и чувствовать всю его тяжесть, или дѣлаться предателемъ любви и Христа. Средняго выхода не было.

И тотъ, кто падалъ, тотъ уже долженъ былъ падать до конца и, не отрываясь подобострастно лобызать ликъ звѣря. Кому становилось не въ мочь, возврата назадъ не было. Если мы вспомнимъ смерть несчастнаго Андрея Соболя или смерть Сергѣя Есенина, мы поймемъ въ чемъ дѣло. И много смертей предстоитъ еще впереди, ибо очень лукавъ и гнусенъ звѣрь. И нѣтъ силъ, предавшему себя, иначе, какъ наказаніемъ себя смертью избавиться отъ его смрада. Будемъ молиться, чтобы Господь послалъ имъ покаяніе.

Какъ намъ изобразить теперь состояніе русской церкви при большевикахъ? Она, подобно государству, предается на произволъ судьбы, видимо какъ бы лишается помощи Божіей. Поэтому у постороннихъ впечатлѣніе, что церковь русская гибнетъ, какъ и сама Россія. Но это не такъ. Что же происходитъ на самомъ дѣлѣ?

Мошь русской православной церкви, какъ мы уже говорили, держалась на святомъ терпѣніи незамѣтныхъ, затерянныхъ въ народѣ тружениковъ, истинныхъ слугъ Христа. Они несли всю тяжесть Его креста. И вотъ по тому положенію, въ какомъ находились они, начинаетъ перестраиваться русская видимая церковь. Она тоже прежде всего должна научиться терпѣнію. Эти труженики спасались безъ всякаго духовнаго руководства. И вся русская церковь остается какъ бы безъ руководства. Все колеблется. Епархіальная власть, вслѣдствіе различныхъ причинъ: и гоненія на епископовъ, и трудности сообщенія, и растерянности архіереевъ, оказавшихся совсѣмъ въ непривычныхъ условіяхъ — эта власть почти исчезаетъ. Спасайтесь сами какъ знаете! Въ особенности, положеніе становится запутаннымъ, когда патріархъ въ заточеніи и появляется цѣлый рядъ какихъ-то непонятныхъ церковныхъ развѣтвленій: обновленческая, живоцерковная и мн. др. Я слышалъ на епархіальномъ съѣздѣ въ Москвѣ (23 г.) настоящій вопль одного сельскаго священника: полтора года верстъ исходилъ! У всѣхъ самыхъ уважаемыхъ благочинныхъ побывалъ — только

руками машутъ, сидятъ, боятся и сами ничего понять не могутъ.

Вся жизнь уходитъ въ приходы — тамъ молитвенники, тамъ исповѣдники. Тамъ у прежнихъ прохладныхъ и сыто-равнодушныхъ протоіереевъ и діаконовъ родится горячая вѣра и ревностное усердіе. Появляется особый типъ священниковъ какъ бы апостольскаго рода: ютятся въ церковныхъ погребяхъ, устроивъ тамъ молельни, они обходятъ по цѣлому городу, ища разсѣянныхъ своихъ овецъ, спасая и собирая повсюду Христово стадо.

Съ самаго начала безруководство церкви какъ бы освящается самимъ патріархомъ. На него жалуются, что онъ безвластный, поддается вліянію, не твердь. Но кто это жалуется на патріарха? Тѣ, кто привыкли къ твердости оберпрокурорской опеки, кто самъ былъ властенъ (при помощи чиновъ полиціи) и теперь потерялъ почву подъ ногами.

Однако патріархъ твердь въ двухъ своихъ основаніяхъ: онъ мужественный, почти святой исповѣдникъ Христа; когда онъ появляется передъ большевицкимъ судилищемъ, его достоинство столь высоко, что судьи обращаются въ подсудимыхъ, а онъ въ судью. И второе: патріархъ умѣлъ терпѣть. Но не есть ли эти качества—терпѣніе и исповѣданіе вѣры — тѣ единственныя качества, которыя Господь требуетъ у православныхъ въ наше время испытаній. Властный человекъ будетъ только мѣшать. Какіе нужны особыя приказы, когда все дѣло только въ терпѣніи и терпѣніи, и еще въ неустанной молитвѣ.

Отчего народъ такъ полюбилъ своего патріарха? Да потому, что патріархъ былъ духовный представитель того самаго Святого народа, который спасался самъ и спасалъ православную церковь въ незамѣтности своей, безвластности своей, горячей вѣрѣ своей, въ беззлобіи своемъ.

Русская православная Церковь выдѣлила, какъ свой особый, изъ святой немощи ея рожденный, типъ русскаго пастыря добраго. У этого пастыря нѣтъ никакого внѣшняго блеска, онъ простъ и кротокъ, кротко-благостенъ. Не строгъ! но всѣ идутъ къ нему не потому, что онъ не строгъ, а потому, что любятъ его, и онъ самъ любитъ всѣхъ. Онъ умѣетъ разговаривать съ духовными дѣтьми сердцемъ, и всякій входящій къ нему получаетъ утѣшеніе. Таковъ былъ и патріархъ: равный среди равныхъ, святой среди святыхъ.

Что такое живая и прочая церкви? Отличаются ли чѣмъ-нибудь отъ единой,

святой, соборной и апостольской. Только однимъ: нежеланіемъ нести крестъ Христовъ. Но такъ какъ въ Россіи нѣтъ теперь средняго положенія, то пришлось пойти и поклониться сатанѣ и получить отъ него разрѣшеніе основать подъ его покровительствомъ «новыя» церкви. Этимъ церквямъ гарантирована спокойная, прежняя жизнь. И сюда потянулись всѣ испуганные, всѣ слишкомъ возлюбившіе земныя блага, всѣ славолюбивые, всѣ нетерпѣливо-властные, всѣ злобно-обиженные. Но, конечно, эти сборища различныхъ наименованій объединяютъ только «пастырей», овецъ у нихъ нѣтъ, ибо одновременно: вѣрующіе въ церковь Христову и кланяющіеся сатанѣ — міряне исчезли изъ Россіи. Кто идетъ къ сатанѣ, проклинаетъ церковь.

Въ этихъ новыхъ «церквяхъ» пороки прежней официальной церкви приняли, какъ это всегда бываетъ у большевиковъ, карикатурный характеръ. Митрополиты и епископы у нихъ въ такомъ изобиліи, какого не только никогда не бывало, но, вообще, и быть не можетъ. Происходитъ настоящая вакханалія клобуковъ, митръ и камилавокъ.

Въ Церкви же истинной православной теперь осуществляются слова пророчества: «всякій доль да наполнится, и всякая гора и холмъ да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сдѣлаются гладкими. И узритъ всякая плоть спасеніе Божіе». Святая, истинная православная Церковь освобождается теперь изъ подъ спуда, и всѣ остальные православные люди исправляются терпѣніемъ и вѣрностью Христу, чтобы сравняться съ тружениками Господа — всѣ встрѣчаются и соединяются въ любви. Предатели въ рукахъ сатаны — или исправятся, или будутъ окончательно осуждены.

* * *

Чтобы понять, откуда пришла заграничная «церковная смута» мы должны точно уяснить себѣ, что означала политическая эволюція патріарха Тихона: отъ рѣзко отрицательнаго отношенія къ большевикамъ (предержавшей власти) до полнаго какъ бы примиренія съ ними въ завѣщаніи*). Патріарху, какъ русскому епископу, надлежало пройти также путь очищенія отъ

*) Невозможно и неприлично, какъ это иногда принято, толковать дѣйствія патріарха — то, какъ его собственныя, то, какъ навѣяанныя большевиками.

наслѣдственнаго порока русской официальной церкви: предержавшей власти придавать значеніе большее, чѣмъ Богу. Передъ смертью патріархъ до конца понялъ, что судьба Россіи всегда была и будетъ въ рукахъ Господа и никакая власть — ни прежняя царская, ни теперешняя — не въ состояніи ничего измѣнить въ промыслахъ Божіихъ. Дѣло церкви есть дѣло духовное (молитвенное), и всякое съ ея стороны вождельніе того или иного политическаго порядка не только не угодно Богу, но и есть явный ропотъ на Его волю. «Воздайте Кесарево — кесареви» — и ни на іоту больше — и каждый зорко наблюдай за собой, чтобы не впасть во вкусъ идоложертвеннаго.

Это стало теперь яснымъ. Желаніе Господа, чтобы всѣ взоры обратились только къ Нему, при полномъ отсутствіи собственной инициативы во внѣшнемъ.

— Не тогда, когда вы хотите, а когда Я хочу, — научитесь этой истинѣ, — вотъ что говоритъ Господь всѣми символами послѣднихъ лѣтъ.

Подобно патріарху, всѣ русскіе епископы подвергаются свыше испытаніямъ, чтобы очиститься отъ политическихъ страстей. Кромѣ того имъ надлежитъ пріобрѣсти (кто не имѣетъ) положительныя качества Христовыхъ пастырей: «не владычествуйте надъ Божіимъ наслѣдіемъ, а подавайте примѣръ стаду», и свой прежній холодъ замѣните любовью.

— Народу послужи! Забудь пока свое архіерейство! — вотъ истинное завѣщаніе добраго русскаго патріарха русскимъ пастырямъ.

Наступила пора и заграничнымъ русскимъ епископамъ понять смыслъ того, что дѣлается на Руси, и подвергнуться испытаніямъ. Крестъ Господень протягивается изъ Россіи и требуетъ, чтобы приняли его всѣ до сихъ поръ спокойно жившіе по старымъ традиціямъ. Идетъ провѣрка вѣрности Христу.

То, что называютъ «смутой», есть наступленіе необходимыхъ условій для испытанія заграничныхъ іерарховъ и, конечно, паствы. Сложное положеніе, въ какомъ каждый изъ нихъ находится теперь, есть слѣдствіе грѣховной индивидуальности каждаго. Или прозрѣетъ, какая въ своихъ старыхъ ошибкахъ, или будетъ все болѣе и болѣе запутываться въ сложности своего положенія и отпадать отъ истины и, значитъ, отъ Христа. Такъ же, какъ въ Россіи, среднее положеніе, по волѣ Божіей, уничтожено.

Характеристика отдѣльныхъ лицъ и положеній поможетъ яснѣе представить себѣ все сказанное.

Митрополитъ Евлогій. Не кажется ли вамъ, прежде всего, что черты, которыми зарисованъ покойный патріархъ можно найти и у нашего владыки. Отсутствіе величія, благостность, сердечность и отсутствіе блеска. Позволю себѣ процитировать писателя Бориса Зайцева: «Владыка въ церкви говорилъ о пути, крестѣ. Стоялъ на амвонѣ, опираясь на посохъ, въ позѣ нѣсколько утомленной, съ грустнымъ взоромъ добрыхъ глазъ изъ подъ очковъ. Тонъ его словъ всегда кроткій. И всегда медленная простота рѣчи. Менѣе всего онъ хотеть быть ораторомъ, дѣятелемъ какого-то театра. На владыку не пойдешь, какъ ходять послушать знаменитыхъ проповѣдниковъ. Празднымъ и любопытнымъ онъ не нуженъ. Его рѣчь — бесѣда тихая, живая, сердечная».

Митрополитъ Евлогій уже давно смиреніемъ своимъ понялъ и разгадалъ въ себѣ наслѣдственную болѣзнь русскаго епископата. Его любовь подсказала ему, отъ чего онъ долженъ отказаться и чему послужить. Въ свое время онъ не присоединился къ рѣзкой политической резолюціи Карловацкаго Собора. Но, конечно, и ему не легко далось, несмотря на природныя добрыя качества, необходимое очищеніе. Тѣ, кто наблюдали за нимъ съ начала церковной смуты, видѣли, какъ тяжело ему было проявлять на первыхъ порахъ необходимую твердость власти, на лицѣ его часто замѣчалась смертельная растерянность, но постепенно онъ свѣтлѣлъ и былъ моментъ необычайной пасхальной радости, которая вдругъ засіяла на его лицѣ. Извѣстно, что онъ непрестанно молился за тѣхъ, кого онъ не могъ не чувствовать своими врагами (разумѣется, одно изъ главныхъ условій выйти побѣдителемъ изъ испытаній).

Не сомнѣваемся, что митрополитъ Евлогій избранникъ Пресвятой Богородицы, возрождающей и духовно направляющей въ наше время русскую православную Церковь. Всѣ, кто группируется около Пресвятой Богородицы, слишкомъ мягки, добросердечны, стараются избѣгнуть до времени рѣшительныхъ дѣйствій. Вотъ причина, почему онъ такъ долго не пользовался всѣми своими правами. Но посмотрите теперь, когда по опредѣленію свыше, настало время дѣйствовать рѣшительно — какъ онъ твердъ, сохраняя всю свою сердечность и любовь. И какое глубокое, благостное спокойствіе царитъ въ немъ и

вокругъ него. Когда идетъ небесная сила, какая сила можетъ ей воспрепятствовать!

Небольшое психологическое замѣчаніе. Говорятъ: митр. Евлогій, когда ему было выгодно, мирился съ синодомъ, а теперь показалъ свое настоящее властолюбіе. Но неужели властолюбивый человѣкъ не впалъ бы немедленно въ административный восторгъ, получивъ власть отъ патріарха всея Руси? Скромность митр. Евлогія, напротивъ, заставила его испугаться власти, а уваженіе и любовь къ старѣйшему митр. Антонію настаивали не проявлять своихъ правъ. Онъ бы и теперь ихъ не проявилъ, но вдумайтесь въ то, что произошло на собраніи собора и вы поймете, что онъ буквально былъ вытолкнутъ оттуда, ибо темныя силы, владѣвшія этимъ собраніемъ, жаждали смуты, разумѣется, не подозрѣвая (какъ это часто бываетъ съ ними), что тѣмъ самымъ исполняютъ Божію волю: начать испытаніе заграничныхъ іерарховъ.

Когда смотришь на митр. Антонія, чувствуешь его величіе и властность, но уже въ быломъ. Эти его прежнія качества ушли въ глубину и изрѣдка поблескиваютъ. Въ сущности, они сдѣлались его камнемъ преткновенія. Ему бы теперь хотѣлось всѣхъ любить, но мѣшаетъ старость. Только по инерціи онъ что-то еще возглавляеть. Сердце его непрестанно требуетъ покоичить все земное и зоветъ къ любви. Поэтому ему часто приходится испытывать двойственное положеніе. По направленію, взятому архіерейскимъ синодомъ, онъ врагъ (или полуврагъ) Сергіевскаго Подворья, но въ храмѣ Подворья съ амвона онъ признается, что плакалъ отъ радости (съ амвона вѣдь не говорятъ неправды), что такъ прекрасно все здѣсь и такъ хорошо все поставлено. — Архіерейскій соборъ вынесъ рѣшеніе, что «Америк. Христ. Союзъ Мол.» учрежденіе масонское и антихристіанское, и тотчасъ послѣ этого рѣшенія синода (имъ возглавляемаго) митр. Антоній пишетъ письмо въ «Союзъ Амер. Христ. М.» съ увѣреніемъ своей неизмѣнной дружбы къ нему. Но развѣ въ такихъ дѣлахъ можетъ быть двойственность? Или «Союзъ» есть нѣчто враждебное Христу, и тогда митр. Антоній, пишущій ему любовныя письма, становится также враждебнымъ Христу (ибо вѣдь здѣсь нѣтъ шутокъ), или Архіерейскій синодъ поступаетъ враждебно Христу (потому что именовать антихристіанскимъ то, что таковымъ не является, значить быть враждебнымъ Христу). Чѣмъ можетъ реагировать паства Западно-Европейскихъ Православныхъ

Церквей на столь соблазнительныя дѣла: только молитвой за митр. Антонія, равно, какъ и за всѣхъ членовъ Архіерейскаго Собора, подвергаемыхъ огненному испытанію.

Епископъ Веніаминъ.*) Дѣйствія еп. Веніамина съ особой яркостью говорятъ о наслѣдственномъ пороцѣ русскаго епископата: свое архіерейство онъ ставитъ внѣ любви къ паствѣ. Онъ уѣхалъ отъ любящихъ и любимыхъ имъ учениковъ и паствы, уѣхалъ къ паствѣ, которая нуждалась въ немъ не болѣе, какъ во всякомъ священнослужителѣ. Бросилъ начатое дѣло руководства будущихъ духовныхъ лицъ, дѣло священное въ наше время отсутствія духовныхъ школъ въ Россіи. Что же заставило его уѣхать?

— Для меня церковь выше всего! — вотъ что отвѣтилъ онъ друзьямъ на этотъ вопросъ. Подъ церковь въ данномъ случаѣ онъ разумѣлъ группу епископовъ за границей, враждебныхъ митр. Евлогію, въ митрополіи и подъ непосредственнымъ началомъ котораго состоитъ Сергіевское Подворье и Богословскій Институтъ при немъ. Но можно ли назвать церковь Христовой на землѣ такую церковную власть (въ настоящемъ случаѣ Архіерейскій заграничный синодъ), подчиненіе которой влечетъ за собой разрушеніе дѣла любви. Дѣло Христово на землѣ есть жизнь и любовь и, если что-нибудь грозитъ этому главному, необходимо поднимать глаза къ Небу, къ солнцу Правды, къ Единой истинной Власти, а не искать начальства по сторонамъ. Христосъ все одобритъ и благословитъ, что дѣлается ради любви и все отвергнетъ, что дѣлается только ради субординаціи.

Нельзя не удивляться въ случаѣ съ еп. Веніаминомъ тому, что въ дѣлѣ личной любви (внѣ своего архіерейства) онъ безупреченъ: почти все свое жалованье раздавалъ бѣднымъ, не имѣлъ даже теплаго верхняго платья ради милостыни. Это еще глубже подтверждаетъ, что тутъ пороцъ наслѣдственный, безсознательный, вмѣстѣ съ архіерейской мантией. Будемъ надѣяться, что Господь скоро вмѣстѣ съ прозрѣніемъ даруетъ награду праведнику, подлежавшему исправленію на общихъ основаніяхъ, ибо у Бога нѣтъ лицепріятія.

*) Еп. Веніаминъ былъ инспекторомъ Богословскаго Института въ Парижѣ (Сергіевское Подворье) и внезапно уѣхалъ среди учебнаго года. Получилъ затѣмъ небольшой приходъ въ Сербіи.

Одно чрезвычайно важное замѣчаніе для характеристики членовъ Архіерейскаго Синода за границей. По свидѣтельству архіеп. Владимира и еп. Веніамина, ѣздившихъ лѣтомъ по порученію Митр. Евлогія въ Сербію для переговоровъ о мирномъ улаженіи конфликта — ихъ совѣщаніе съ прочими епископами происходило не только безъ предварительнаго молебна, но даже безъ общей молитвы передъ засѣданіемъ. «Было такое настроеніе — сказалъ сп. Веніаминъ, — что и думать было невозможно о предложеніи общей молитвы». Если простые міряне въ наше время чувствуютъ необходимость постоянного горячаго исповѣданія вѣры и молитвъ, то отсутствіе молитвы при столь важномъ для церкви дѣлѣ безусловно говоритъ объ отсутствіи Христа среди этихъ іерарховъ.

Когда Господь отвернулся отъ государства или отъ иного какого-либо общества людей, и оно предано своей судьбѣ, то темныя силы прежде всего ищутъ уязвимаго мѣста, чтобы проникнуть въ это общество и начать смуту, ведущую къ разрушенію. Вся Россія была свидѣтельницей, что послѣдняя смута при Императорскомъ домѣ творилась покойнымъ Григоріемъ Распутинымъ, котораго рекомендовалъ Государю, какъ «праведника», архіеп. Ософанъ. Послѣ столь странной ошибки, виновнику ея слѣдовало бы, хотя бы на время русскаго разрушенія, обождать съ активными выступленіями въ какихъ бы то ни было русскіхъ дѣлахъ (мало ли есть прекрасныхъ и спокойныхъ монасты-

рей для отдыха и нѣкоторой переоцѣнки своихъ цѣнностей), однако по отчетамъ о засѣданіяхъ Архіер. синода видно, что именно архіеп. Ософанъ является тамъ первымъ верховодомъ. Можетъ ли это вести къ дѣламъ любви?

Въ чемъ заключается холодъ и въ чемъ любовь? Гдѣ Церковь и гдѣ только тѣнь Церкви? Благодарность благодѣтелю не можетъ никогда прекратиться въ сердцѣ, какъ не перестаетъ любовь въ истинномъ царствѣ Христа. Однако архіеп. Серафимъ, бывший финляндскій, забылъ о благодарности: онъ не только не спѣшитъ выразить Митр. Евлогію свою признательность за то, что спасенъ изъ тюрьмы, за то, что награжденъ прекрасной епархіей — нѣтъ, обратно, онъ спѣшитъ принять власть надъ Митр. Евлогіемъ отъ его враговъ, онъ предлагаетъ ему даже уйти изъ Парижа, оставить любимую и любящую паству. Вотъ, гдѣ нѣтъ Церкви, есть только тѣнь злобы, всегда мстящей за любовь и холодъ людей, предпочитающихъ какую угодно власть, только не власть Христа, только не любовь.

Все это видя и чувствуя, какъ должны мы, міряне, реагировать на церковное нестроеніе, чтобы занять подобающее мѣсто въ испытаніяхъ вѣрности Христу. Подобно нашему духовному вождю митр. Евлогію, мы должны молиться за его враговъ, такъ же, какъ и онъ молится за нихъ, — молиться, не дастъ ли имъ Господь покаянія къ познанію истины.

Петръ Ивановъ.